

ПРАВОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА: СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМА И ИХ УЧЕТ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ЗАКОНА

ПАНЧЕНКО Павел Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, член РАЮН, член Российской криминологической ассоциации, руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде, зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – г. Нижний Новгород.

E-mail: panvest@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы содержания и формы правового поведения в условиях правового государства. Дается авторская трактовка понятия правового государства. Обосновывается вывод о том, что содержанием правового поведения всех его видов, включая поведение преступное, иное правонарушающее, внешне «нейтральное» и положительное, является его объективная сторона, а формой – субъективная его сторона. Исследуются ошибки и нарушения, допускаемые, с одной стороны, субъектами поведения, а с другой – правоприменителем. Анализируется природа обвинительного и оправдательного уклонов, искривляющих линию законности при применении закона. Вносятся предложения по совершенствованию законодательства.*

***Ключевые слова:** содержание; форма; правовое поведение; правовое государство; объективная сторона; субъективная сторона; ошибки; нарушения; субъекты поведения; правоприменитель; природа; уклоны; линия законности; закон; предложения.*

Государство, возникнув как государство бюрократическое («государство начальников» – власть бюрократии), потом постепенно входит в состояние правового государства («государство юристов» – власть закона), а затем уже становится государством гражданским («государство граждан» – власть народа). Собственно гражданское государство является формой государства правового, его высшей формой. К нему мы медленно, но неуклонно идем.

Гражданское государство отличается от собственно правового государства в основном тем, что если в первом основывающаяся на законе власть не только контролирует общество, но и контролируется им, то во втором – та же

власть не столько контролирует общество, сколько контролируется им. Но вначале общество из *общества индивидов* должно преобразоваться в *общество именно граждан*, то есть в общество людей тем или иным образом ассоциированных, а именно имеющих свои структуры самоорганизации.

Своеобразие текущего момента состоит в том, что уже в недрах только начавшегося формироваться правового государства складываются определенные признаки государства гражданского. В ходе этого процесса поведение людей из всецело правового состояния (полностью контролируемого правом) все больше преобразовывается в *поведение общественное*, то есть контролируемое исключительно или главным образом обществом, общественное же поведение преобразовывается в *поведение индивидуальное*, то есть контролируемое исключительно или главным образом отдельными гражданами, а поведение индивидуальное – в *поведение частное*, то есть контролируемое исключительно или главным образом самими гражданами. Таким образом, будущее – за самоконтролем.

Если поведение различных видов условно изобразить в виде ряда концентрических кругов, то сфера, очерченная наименьшим кругом будет обозначать поведение преступное, а сферы, очерченные все увеличивающимися кругами, будут последовательно обозначать соответственно иное правонарушающее поведение, поведение аморальное, поведение «нейтральное» в правовом и/или морально-нравственном отношении и, наконец, поведение человека как таковое, то есть любое его поведение.

Содержание и форма отчетливо просматриваются в любом поведении человека (как и вообще во всем в мире), в том числе, разумеется, и в поведении *правовом*, то есть всегда имеющем то или иное правовое значение. Это касается как преступлений и иных правонарушений, так и поведения положительного или даже *внешне «нейтрального»* в правовом отношении, то есть не имеющего достаточно отчетливо выраженного правового контекста, но все же характеризующегося теми или иными юридическими признаками.

В нашем представлении в полной мере «нейтральное» поведение не может иметь каких-либо конкретных правовых или даже морально-нравственных оценок, поскольку для соответствующих случаев нет ни правовых, ни морально-нравственных норм, с позиций которых такое поведение можно было бы как-то оценить. Оно всецело находится *вне* как правового, так и морально-нравственного поля, то есть вне сфер контролируемых (регулируемых, организуемых, охраняемых, регламентируемых и т.д.) правом и/или моралью и нравственностью.

«Нейтральным» может быть признано поведение, состоящее, например, в том, что человек просто идет по улице, тихо насвистывая какую-то вспомнившуюся мелодию, затем присел на скамейку в сквере и стал наблюдать за происходящим вокруг, о чем-то при этом задумался, ну а потом купил газету в киоске, почитал ее, еще о чем-то подумал и пошел дальше – в направлении, известном, может быть, только ему одному.

Положительное поведение есть поведение, одобряемое, поддерживаемое и, как правило, вознаграждаемое – как законом, так моралью и нравственностью. Например, человек сделал открытие, совершил подвиг, спас утопающего, отличился на тушении пожара и т.д. Ему в связи с этим воздаются почести, журналисты публикуют в средствах массовой информации соответствующие репортажи, представители различных ведомств предлагают достойное вознаграждение. Или же человек просто уважителен, обходителен в отношениях с окружающими, приветлив. Это ему тоже «зачтется», но уже более скромным образом. Человек будет слыть в глазах окружающих как весьма культурная, интеллигентная личность (а не как какой-то там забияка, хулиган или мошенник). С таким человеком готов иметь отношения каждый. С ним и «в разведку пойдешь», и вообще «не пропадешь».

В современных условиях, когда сфера частной жизни людей постепенно расширяется, а пределы ее правового и морально-нравственного регулирования соответственно сужаются, «нейтральное» поведение, на которое, образно говоря, «закрывает глаза» как право, так и мораль и нравственность, набирает

все больший вес. Люди чаще, больше и дольше живут так, как хотят, и никто им в этом помешать не может – если, разумеется, при этом не нарушаются требования права и нет вторжения в сферу, «подвластную», как минимум, морали и нравственности.

Вместе с тем, сегодня право, как и мораль и нравственность, уже не демонстрируют своего полного безразличия к так называемому «нейтральному» поведению, поскольку оно в каких-то его видах и разновидностях в принципе тоже может быть отнесено к положительному поведению. Это могут быть, например, различные проявления частной жизни, не расходящиеся ни с правом, ни с моралью и нравственностью, и поэтому *охраняемые* Конституцией (ст. 23-25), иными законами, а также теми же моралью и нравственностью. Например, человек на своем дачном участке разводит кроликов, выращивает овощи, плетет корзинки, рисует пейзажи, занимается многими другими подобными делами. Никто не вправе нарушить эту его дачную идиллию своим бесцеремонным вмешательством – например, заставить его переключить свои пристрастия с кроликов на пчел, с овощей на фрукты, с корзинок на веники, с пейзажей на натюрморты и т.д.

Если поведение человека в сфере его, скажем, семейных, бытовых или соседских отношений не вызывает упреков ни со стороны права, ни со стороны морали и нравственности, то такая частная жизнь в принципе «нам нужна». Это как раз то, что может выражать индивидуальность человека, а следовательно, делать общество многообразнее, ярче, благороднее, возвышеннее, сильнее.

Частная жизнь в значительной мере находится в сфере нравственности, которая, в отличие от морали, касается взаимоотношений человека не столько с другими людьми, сколько как бы с самим собой. Это может быть связано, например, с тем, как человек позиционирует себя в собственных глазах как весьма значительная личность, хотя, может быть, каких-то особых оснований для этого нет. Или, напротив, считает себя, в общем-то, средним человеком, а на самом деле творит в своей профессии просто чудеса. Ведь это – тоже весь-

ма важный «штрих» современной жизни. Довольно часто бывает так, что свое отношение к самому себе человек как бы «примеряет» на отношение к себе со стороны других. Как, впрочем, и собственное отношение к другим – на отношение других к себе, а заодно и на собственное отношение к самому себе.

Конечно, нравственность не может целиком и полностью находиться *вне* общества, но она и не всецело находится «внутри» самого человека, в его, так сказать, внутреннем мире. Нравственность – это не только и не столько «вещь в себе», сколько «вещь», которая в каких-то случаях, может быть, достаточно широко открыта для общества. Говоря другими словами, в немалой мере она вторгается и в сферу «внешних» отношений человека – например, когда человек, позиционируя себя как-то в собственных глазах, в то же время достаточно наглядно демонстрирует соответствующие позиции вовне, при этом делает это иногда как бы «на показ», то есть – находясь «на людях». Это может относиться, например, к предпочтениям в выборе довольно броской прически, оригинальной манеры одеваться, нарочито подчеркнутого внимания к другим (мол, какой я обходительный и галантный), «модерновой» или, напротив, старомодной лексики.

Иногда такая «игра на публику» как-то «срабатывает» – о человеке начинают говорить, ему звонят по телефону, шлют SMS-сообщения и т.д., а порою (что бывает все же гораздо чаще) – «народ безмолствует». И дело здесь не в том, что людям, общественному мнению довольно часто, так сказать, «по барабану» то, чем конкретно занимается в том или ином конкретном случае тот или иной вполне конкретный человек. Современному человеку, которого условно можно было бы назвать человеком *вездесущим* – если позволительно использовать такую терминологию) до всего есть дело, ему всегда всё интересно, всё ему хочется знать, по поводу всего он имеет свое конкретное мнение, суждение, соображение и довольно часто высказывает его, причем, так сказать, «напрямик». И, как правило, получается так, что каждый каждого пытается как-то как бы подстроить «под себя», приспособить «для себя», образно говоря, в «свою веру», причем обычно это делается с позиций

сугубо черно-белого отношения ко всему происходящему: так – не так, да – нет, хорошо – плохо и т.д. Вместе с тем, в настоящее время с учетом повышенных темпов жизни интерес к окружающим у нас постепенно все же в целом падает. Каждый живет своей жизнью и порой даже не знает, кто у него – в соседях.

Нередко наблюдается, как уже отмечалось, такое, что человек позиционирует себя как весьма достойная личность, хотя на самом деле таковой не является. Сам он в собственных глазах – всё, а все остальные должны лишь походить на него. Ведь у него – «всё так» (и лицо, и одежда, и зарплата...), а у остальных – «всё не так» («ни кола, ни двора», одежда – «так себе», лицо – «смазанное», глаза – «бегают»...). Если другие такому человеку не подражают, то по существу весь окружающий мир представляется ему недостойным его – «единственного», «неповторимого», «уникального», «исключительного» и т.д.

Но вопрос здесь – все жё в другом и в принципе о другом. Тому или иному человеку кто-то может нравиться или не нравиться, но что, собственно, из этого следует? Ровным счетом ничего, если, конечно, та или иная личностная оценка другого человека не связана с какими-то действительными его «проколами» – например, типа совершения какого-либо правонарушения или иного аморального проступка, либо с какими-либо его сугубо эмоциональными переживаниями по данному поводу (радость, огорчение, удивление и т.д.). Несколько перефразируя и уточняя известное положение классика, можно, наверное, утверждать, что, человек, помимо его *правонарушающего или аморального поведения*, не может стать для кого бы то ни было объектом упрека, если не считать разве что его друзей, приятелей, знакомых, соседей, коллег и, может быть, еще каких-либо людей, в том числе страдающих повышенным интересом ко всему происходящему, некоторым излишеством любопытства.

Между тем, распространенная точка зрения о том, что частная жизнь – это такая жизнь человека, до которой, как говорится, «нет дела» ни праву, ни морали и нравственности, несостоятельна. Частная жизнь, как и все в этом мире, многолика. Будучи организованной человеком по его собственным прави-

лам, она может «нравиться» праву и/или морали и нравственности либо «не нравится» им, но она же может быть с их точек зрения и «никакой», то есть ни «хорошей», ни «плохой», а следовательно, не заслуживающей ни одобрения, поддержки и вознаграждения, ни осуждения, порицания и наказания. Например, такая частная жизнь, как увлеченность человека теми или иными сексуальными предпочтениями (разнообразие любовных игр – в преддверии полового акта, излюбленная поза и т.д.), никого интересовать не должна, а, скажем, такая черта характера, как увлеченность чеканкой по металлу – это в принципе совсем даже неплохо, если, разумеется, чеканщик своим постоянным стуком по металлу не будет будить по ночам соседей. Если *это* будет, то в таком случае к позитиву будет примешиваться уже и некоторый негатив. И тем более такой негатив присутствует в случае, если чеканщик, наряду с «нормальными» произведениями изобразительного искусства, чеканит еще и какую-то порнографию.

Поэтому вопрос о форме и содержании, скажем, преступлений, иных правонарушений и поступков, которые вступают в конфликт только с нормами морали и нравственности, следует рассматривать в контексте формы и содержания любого поведения вообще. В решении данного вопроса могут быть самые разные подходы. В нашей интерпретации *содержание* противоправного поведения – это его *деятельный (поведенческий)* момент, а его *форма* – момент *мысленный (психологический)*. По существу в отношении любого (а не только правонарушающего) поведения можно вести речь о его объективной и субъективной сторонах.

Объективная сторона поведения как такового есть *то, что человек делает и к чему это, в конце концов, приводит* – в соответствующих условиях места, времени, обстановки, а также используемых при этом способов, приемов, средств и/или орудий, а *субъективная сторона* такого поведения – это *состояние сознания и воли лица* в момент совершения соответствующего акта поведения, взятого (состояния) в его единстве с данным актом.

Что касается объекта и субъекта поведения (если уж полностью перенести модель состава преступления на наши представления о всяком поведении человека вообще), то, как и применительно к такому частному проявлению поведенческого акта, как акт совершения преступления или иного правонарушения, надо заметить, что в самом поведении ни объект, ни субъект не присутствует. И тот, и другой – не внутри поведения, а вне его. Названные моменты хотя и могут включаться в содержание *состава* поведения, но только не в их, так сказать, «натуральном» виде, а лишь в их сугубо зрительном восприятии – в том смысле, что они есть, что их наличие следует иметь в виду, учитывать при выработке позиции в отношении данного поведения. Об этом в свое время писал еще И.С.Ной – хотя рукопись соответствующей монографии, которую нам довелось рецензировать, так и не увидела свет. Ученый вскоре скончался, а многочисленным его ученикам оказалось, как это часто бывает, недосуг заниматься изданием творческого наследия учителя.

Кстати, в именно в таком виде объект и субъект должны восприниматься и в *составе преступления*, то если лишь в виде их определенных зрительных образов – естественно, запечатленных в праве в качестве тех или иных юридических признаков (объекта и субъекта): объект – *охраняемое* правом благо, *подвергшееся* посягательству, а субъект – лицо, от посягательства *со стороны которого* это благо правом *охраняется*. Правовой момент в трактовке содержания и формы поведения чрезвычайно важен, так как суть его заключается в формировании основания ответственности. Если эти правовые моменты *есть*, то в единстве с другими (объективная и субъективная стороны) *налицо и основание ответственности*.

Итак, возвращаясь непосредственно к уголовному праву, еще раз констатируем, что *содержание* преступления есть объективная его сторона (сущность), а *форма* – субъективная его сторона (явление). Но не упрощаем ли мы данный вопрос такой его трактовкой? Казалось бы, раз субъективная сторона преступления есть *внутренняя* (мысленная) его сторона, то она и должно рассматриваться в качестве его (преступления) *содержания*, а объективная сторо-

на преступления – как *внешняя* (деятельная) его сторона – соответственно должна рассматриваться как его *форма*.

Но дело здесь заключается еще в том, что признаки субъективной стороны преступления, взятые сами по себе – в отрыве от его объективной стороны, мало о чем говорят. Если не сказать – вообще ни о чем не говорят. Вина, мотив, цель и особое эмоциональное состояние лица, взятые сами по себе, то есть безотносительно к соответствующим признакам объективной стороны преступления, как бы повисают в воздухе, представляя собой лишь определенную достаточно тонкую психологическую оболочку преступления. Им не к чему «привязаться», не с чем соотноситься, нечего и некого «обвинять», нечего и некому мотивировать и как-то характеризовать с точки зрения цели, некого и нечего оценивать с позиций особого эмоционального состояния.

Совсем другая картина высвечивается в случае анализа объективной стороны преступления. Если мы говорим именно о ней, то сразу же становится понятной основная суть преступления – кто-то у кого-то что-то отнял, кто-то кого-то обворовал, кого-то «обхулиганил», избил, кому-то нанес какую-то иную довольно серьезную обиду или совершил в отношении кого-то какое-то иное крайне недостойное деяние – если смотреть на него с позиций уголовного закона.

Если же говорить о содержании и форме применительно к каждой из названных двух сторон преступления (объективной и субъективной), то *содержание* объективной стороны преступления выражается в деянии, взятом во взаимосвязи с его местом, временем, обстановкой, *форма* этой стороны – в способе совершения деяния, взятом во взаимосвязи его с приемами, орудиями и/или средствами, используемыми для совершения деяния, а *содержание* субъективной стороны преступления – выражается в вине, *форма* же ее – в эмоциональных, мотивационных и/или целевых ее особенностях, проявившихся в момент совершения деяния.

Элементы содержания и формы преступления учитываются при *реализации* в отношении его (преступления) уголовного закона, основными формами

которой (реализации) являются: *соблюдение* данного закона (следование его требованиям – чего-то не делать или что-то, например, сделать – в соответствующих условиях места, времени, обстановки и т.д.), *использование его дозволений* (например, относительно претензий лица на освобождение от уголовной ответственности и/или наказания, на смягчение наказания, на условное осуждение, досрочное снятие судимости и т.д.), *применение* (квалификация совершенного деяния как преступления определенного вида и назначение за него соответствующего наказания – либо квалификация деяния и освобождение совершившего его лица от уголовной ответственности и/или наказания) и *исполнение* данного закона (организация процесса исполнения наказания).

Любое преступление совершается в результате *ошибки (просчета), нарушения (намеренно негативного поведения)* либо как *ошибки, так и нарушения одновременно (если преступление состоит из суммы различных актов поведения)*. С другой же стороны, и неправильное применение уголовного закона может произойти в результате *этих же причин* – ошибки, нарушения или того и другого одновременно.

Для характеристики допускаемых ошибок и нарушений (как преступником – в ходе совершения преступления, так и правоприменителем – в ходе применения уголовного закона) могут условно использоваться понятия соответственно *неосторожности* (в отношении ошибок) и *умысла* (в отношении нарушений) – разумеется, во всех видах и разновидностях этих форм вины. Например, *ошибка* может быть допущена в силу как легкомыслия, так и небрежности, а *нарушение* – в силу как прямого, так и косвенного умысла.

Понятно, что само понятие вины в той или иной ее форме (в собственном ее значении) может здесь использоваться только в том случае, если допущенные *преступником* ошибка и/или нарушение так или иначе «вторгаются» в субъективную сторону совершаемого им преступления, меняя тем или иным образом ее содержание, либо если допущенные *правоприменителем* ошибка и/или нарушение образуют состав какого-либо преступления – например, халатности или злоупотребления должностными полномочиями.

Ошибки преступника могут состоять в заблуждениях, касающихся как закона, так и совершаемого преступником *деяния, его последствий, обстановки, способов, приемов орудий, средств*, а *ошибки правоприменителя* – в заблуждениях, касающихся неправильного понимания им *как закона, так и различных признаков совершенного преступления, включая особое эмоциональное состояние лица в момент совершения деяния, его мотивы, вину*. Ошибка в законе есть *юридическая ошибка*, а ошибка в деянии и всем, что с ним связано есть соответственно *ошибка фактическая*.

Так или иначе, но ошибаются все – как преступники, так и законопослушные люди, как обычные люди, так и гении, как дилетанты, так и профессионалы. Но у одних это случается чаще, а у других – реже, одни учатся на *своих* ошибках, другие – на ошибках *других*. Иногда ошибки бывают с крайне негативным исходом, а иногда – с минимальными издержками или даже, может быть, в некоторых случаях с некоторыми положительными последствиями (в отношении таких случаев в народе говорят: «в рубашке родился»; «нет худа без добра» и т.д.).

Если ошибается преступник, то обычно потерпевший, как говорится, «отделяется легким испугом», а если ошибается правоприменитель, то здесь все зависит от того, куда «занесло» правоприменителя – в обвинительный уклон или в уклон оправдательный. Первый ударяет, прежде всего, по преступнику, а второй – по потерпевшему, но в обоих случаях страдают и интересы правосудия. И трудно сказать, какой уклон более опасен – обвинительный или оправдательный. Если первый приводит к тому, что «тюрьмы не лечат, а калечат», то второй – к тому, что безнаказанность влечет совершение новых преступлений. «Оба – хуже», сказал И.В.Сталин, отвечая на вопрос одного из соратников о том, какой уклон в политике «хуже» – левый или правый. Применительно к нашему вопросу можно все же сказать, что «хуже» – все-таки уклон обвинительный, так как он, помимо совершения новых преступлений и нанесения ущерба правосудию, еще и ломает (причем «руками» государства) многие человеческие судьбы.

Но и уклон оправдательный отнюдь не безопасен. Легко сказать, что суд «промахнулся», назначив подсудимому наказание «по минимуму» – может быть, вместо того, чтобы в данном случае было бы более правильным назначить его «по максимуму». Как исправить подобную допущенную судом ошибку? В принципе это сделать невозможно – тем более, что сегодня государство еще не настолько богато, чтобы «раскошелиться» за оплошности судей. Ну а судьи кто? – Зададимся еще и таким далеко не лишним в нашей стране вопросом. Это в большинстве своем – женщины, то есть тот «эластичный материал». Позволим себе, скрепя сердце, использовать этот термин, имея в виду, что именно с его использованием объясняют некоторые председатели судов работникам полиции свой оправдательный уклон в практике назначения наказаний: мол, извините, у меня работают одни женщины, а это, как известно, «эластичный материал»; их криминал гнет в свою сторону, а вы гните – в свою; тогда вертикаль законности будет стоять ровно...). И «материал» этот часто гнется в любую сторону – с учетом обстоятельств времени и места. Сказываются здесь, в частности, такие сугубо женские качества, как повышенное внимание к детям, особая забота о домашнем очаге, элементарная мягкость характера и т.д. Где тонко – там, как говорится, и рвется.

Ошибки правоприменения в уголовной политике часто вытекают из ошибок при толковании закона. В данной связи в юридической литературе верно отмечается: «Ошибки в толковании закона судами и правоохранительными органами способны причинить гораздо больший ущерб интересам граждан, чем при интерпретации норм других отраслей права, поскольку они влекут за собой неправильное применение уголовного закона, и как результат – привлечение к уголовной ответственности невиновных лиц либо оправдание виновных, несправедливое назначение уголовного наказания»¹.

Нарушения преступника различаются с учетом используемого при совершении преступления способа и могут состоять в *насилии или обмане*, а на-

¹ Ругина О.А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2012. С. 3.

рушения правоприменителя выделяются с учетом наступивших в результате допущенных нарушений последствий и могут состоять в *обвинительном или оправдательном уклонах*, то есть соответственно в необоснованном отягощении или смягчении участи преступника.

Насилие предполагает использование для достижения преступной цели *силы* – в любой ее форме (физической или психической), а в основе обмана – использование для достижения той же цели введения потерпевшего или иных лиц в состояние *заблуждения*. Там, где не «проходит» вероломство (насилие), «срабатывает» в качестве основного способа совершения преступления обман, а там, где «неэффективно» в рассматриваемом смысле коварство (обман), преобладает вероломство. Хотя довольно часто случается и так, что в ходе совершения преступления сочетаются оба названных способа – в разных или примерно в равных их «пропорциях». В каких-то случаях основное «дело» делает насилие, а в каких-то – обман. Все зависит от особенностей конкретного случая.

Нарушения правоприменителя – это его, так сказать, «заносы» – в сторону необоснованного усиления или смягчения ответственности. То есть правоприменитель намеренно «гнет» линию законности в ту или иную сторону.

Конечно, на первый взгляд, может показаться некорректной осуществленная здесь постановка преступника и правоприменителя как бы «на одну доску». Но иной подход здесь едва ли возможен. Тут имеет место как раз тот случай, когда действие равно противодействию, а противодействие – соответственно действию. В нашем случае речь идет о соответствии «силы» уголовно-правового реагирования «силе» преступления. Понятно, что полного «равенства» того и другого здесь, разумеется, нет быть может не может, так как ответная уголовно-правовая реакция на преступление по всей своей «силе» всегда менее значительна, чем «сила», воплощенная в преступлении. Не говоря уже о принципиально различном характере той и другой «силы», так как преступление всегда есть *зло*, а ответственность за него всегда есть *добро*. Если, разумеется, не учитывать определенные негативные свойства и последствия ответст-

венности в виде неизбежной жесткости обращения с преступником, влекущей нередко его ожесточение, повышенную нервозность, психические надломы, срывы, трудности адаптации к «открытому пространству» («воле») и т.д.

Почему «сила» уголовно-правового реагирования на преступление всегда в современных условиях уступает «силе» самого преступления? Да потому, что, *во-первых*, ответная уголовно-правовая реакция на преступление всегда несколько запаздывает, если, конечно, она вообще имеет место (подавляющая часть преступлений, как известно, все еще остается безнаказанной), *во-вторых*, этого (неполной соразмерности ответного уголовно-правового реагирования на преступление) требует принцип гуманизма, корректирующий в известной степени реальное содержание принципа справедливости, формально требующего соответствующей здесь соразмерности, *в-третьих*, государство не может не разделить с преступником (хотя бы в небольшой мере) вину в совершении преступления – ведь преступник всегда совершает свое преступление лишь постольку, поскольку государство ему это «позволяет», в этом вольно или невольно как бы «потакает», попустительствует своим бездействием, что может быть связано с несовершенством его правоохранительной деятельности, в том числе с коррупцией, и, *в-четвертых*, определенный «недобор» в «силе» ответного уголовно-правового реагирования на преступление в некоторой степени всегда восполняется предпринимаемыми государством мерами криминологического реагирования на него, которые сопряжены с сопутствующим реагированием на преступление посредством принятия прицельных мер предупреждения, предотвращения и пресечения преступлений, в том числе, может быть, даже *прежде всего* с криминологическим противодействием деяниям – в основном того же рода и вида.

На начальных этапах развития государства, правоприменитель, возводя наказания в своеобразный культ, фетиш, обряд и реально обладая крайне низкими возможностями досягаемости до преступников (в том смысле, чтобы «найти и обезвредить» каждого из них), образно говоря, «перегибал палку» в своем ответном уголовно-правовом реагировании на преступление («дабы

другим неповадно было», «безнаказанность – мать порока», «если что и запрещено, но не наказано, то это – как бы «разрешено»...), но затем постепенно наступил какой-то относительный «баланс» в рассматриваемом действии и противодействии («око за око, зуб за зуб...»), а в наше время понимание и практическая трактовка этого «баланса» уже довольно существенно сместились в сторону *смягчения* ответного уголовно-правового реагирования на преступление – в сравнении с «силой» самого преступления.

Закономерно встал вопрос о том, зачем наказывать человека, так сказать, «по полной программе», если и без этого можно добиться нужного результата, а именно восстановления нарушенной преступлением справедливости, исправления виновного, предупреждения совершения новых преступлений – со стороны как самого виновного, так и других лиц. А тем более, как свидетельствует весь опыт истории, механическая пропорциональность в этом деле вообще никогда не оправдывала себя – в смысле достижения целей ответственности.

Если преступления по своей «силе» еще и сейчас нередко уходят по существу в «беспредел» (теракты, серийные убийства, преступления сексуально-го характера, совершаемые в отношении несовершеннолетних, и т.п.), то цивилизованное государство уже не может позволить себе, как говорится, «отпустить тормоза» в своих амбициях наказывать преступника как можно строже. Этим объясняется, например, неприменение даже к самым опасным преступникам смертной казни – как у нас, так и в Европе – если не считать Белоруссию, где в марте 2012 года был приведен в исполнение приговор в отношении двух террористов, совершивших в осенью 2011 года взрывы в минском метро, унесшие жизни и искалечившие многих людей.

Данная мера, как известно, не применяется в нашей стране вот уже в течение около полутора десятилетий (с 1998 года) – несмотря на то, что накал терроризма и бандитизма, серийных убийств, в том числе сопряженных с педофилией, пока не идет на спад. Может быть, именно поэтому смертная казнь пока еще у нас формально сохраняется в арсенале уголовно-правовых средств,

если учесть, что в санкциях пяти статей Особенной части УК она пока еще со- держится – вея тем самым как бы могильным холодом на тех, кто в силу сво- его крайне неудовлетворительного морально-нравственного состояния мог бы совершить соответствующие опаснейшие преступления. И совсем кануло в Лету применение смертной казни путем таких ужасных способов, как, скажем, колесование, четвертование, разрыв на части, сожжение, гильотинирование, посажение на кол, утопление, заливание горла расплавленным свинцом, зака- пывание живьем в землю или повешение.

Вместе с тем, заметим, что отдельные элементы «беспредела» в нынеш- нем нашем уголовно-правовом реагировании на преступления пока все же ос- таются – например, химическая кастрация, применяемая в отношении тех же педофилов, длительные сроки лишения свободы, предусмотренные за эконо- мические преступления, штрафы, установленные за коррупцию в размере до стократной величины взятки. Но, похоже, время и таких мер постепенно будет уходить. По крайней мере, на уровне практической уголовной политики. И ес- ли правопорядок стабилизируется настолько, что смертную казнь вообще надо будет исключить из системы наказаний – даже с учетом сугубо формального ее присутствия в этой системе.

Нужны дальнейшие исследования в области эффективности и построе- ния уголовно-правовых санкций. Здесь пока многое основывается больше на «интуиции» законодателя, чем на его подлинно научном подходе. Но та же ин- туиция нам подсказывает, что годы, проведенные в колонии, например, того же вора (а в колониях отбывают наказание в основном лица, совершившие именно хищения) больше «искривляют», чем исправляют его. Поэтому здесь надо, на наш взгляд, больше полагаться на принудительные, исправительные и обязательные работы, а также на ограничение свободы и посильные для осуж- денных штрафы. Различные виды работ и ограничение свободы могли бы со- четаться со штрафами, которые виновный имел бы реальную возможность уп- лачивать из своего заработка, получаемого по месту отбывания наказания.

Итак, любое наше поведение все еще находится под «присмотром» права. Увильнуть от этого пытается лишь тот, кому есть что скрывать. Правомерность же граждан – всегда и всюду открыта для любого правового «просмотра». Но с течением времени такая «подозрительность» права (а не те ли мы, за кого себя выдаем...) будет снижаться и, в конце концов, если не сойдет на «нет», то, по крайней мере, будет сведена к минимуму. И тогда человек с гордостью может заявить о себе как о действительно *правовом человеке*, то есть человеке, которому свойственно исключительно правомерное поведение, причем с высоким положительным потенциалом.

Сведения об авторе:

Панченко Павел Николаевич, зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – г. Нижний Новгород, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, член РАЮН, член Российской криминологической ассоциации, руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде.
Рабочий адрес: 603155, г. Нижний Новгород, 155, ул. Большая Печерская, 25/12, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – г. Нижний Новгород, Факультет права, Кафедра уголовного права и уголовного процесса, кабинет 110.
Рабочий телефон: 8-(831)-4-16-95-35.
Электронный адрес: panvest@mail.ru
Адрес для корреспонденции: 603132, г. Нижний Новгород, 132, а/я 293. Панченко Павел Николаевич.
Домашний адрес – по регистрации: 603132, г. Нижний Новгород, 132, ул. Даргомыжского, дом 19, корп. 5, кв. 67.
Адрес фактического проживания: 603132, г. Нижний Новгород, 132, ул. Даргомыжского, дом 15, кв. 95.
Домашний телефон: 8-(831)-2-58-81-29. Моб. тел.: 8-910-108-0-171.